

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЛАВРИЧЕНКО против РОССИИ»

(Жалоба № 10917/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

14 января 2020 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Лавриченко против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Георгиос А. Сергидес, *Председатель*,

Эрик Уэннерстром,

Лоррен Шембри Орланд, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

Проведя заседание за закрытыми дверями 3 декабря 2019 года, вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 10917/06), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Еленой Владимировной Лавриченко и Андреем Евгеньевичем Лавриченко (далее — «заявители»), 7 февраля 2006 года.

2. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. 3 апреля 2013 года Власти были уведомлены о данной жалобе.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявители, Елена Владимировна Лавриченко (далее — «первая заявительница») и Андрей Евгеньевич Лавриченко (далее — «второй заявитель»), граждане России, 1958 года рождения и 1986 года рождения соответственно, проживают в г. Новосибирске. Второй заявитель является сыном первой заявительницы.

5. Обстоятельства дела, в том виде, в котором они были представлены заявителями, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Уголовное судопроизводство в отношении первой заявительницы

6. По состоянию на 7 апреля 2004 года первая заявительница подозревалась в совершении ряда экономических преступлений.

1. Принудительное доставление первой заявительницы для допроса в качестве свидетеля

7. 30 марта 2005 года следователь принял решение принудительно доставить первую заявительницу к ней для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу, не имевшему к ней отношения.

8. 1 апреля 2005 года милиция доставила первую заявительницу к следователю в соответствии с распоряжением от 30 марта 2005 года. После допроса первую заявительницу отпустили.

2. Второе принудительное доставление первой заявительницы для допроса в качестве свидетеля и последующий арест

9. Во время допроса, проведенного 1 апреля 2005 года, следователь потребовала, чтобы первая заявительница явилась 11 апреля 2005 года для допроса по возбужденному в ее отношении уголовному делу.

10. 11 апреля 2005 года адвокат первой заявительницы явился, чтобы оказать ей помощь во время допроса. Когда он увидел, что вместе со следователем были сотрудники милиции, он позвонил первой заявительнице и сказал ей, что она будет арестована. Опасаясь незаконного ареста, первая заявительница решила не идти на допрос.

11. 21 апреля 2005 года следователь предъявила первой заявительнице обвинение в ее отсутствие. 22 апреля 2005 года следователь распорядилась, чтобы она не покидала город без разрешения следователя. Первая заявительница не была проинформирована об этих процессуальных решениях.

12. 25 апреля 2005 года следователь приказала принудительно доставить первую заявительницу в следственный комитет г. Новосибирска в 15:00 26 апреля 2005 года для допроса в качестве обвиняемой и объявила ее в розыск.

13. В 15:08 26 апреля 2005 года сотрудники милиции задержали первую заявительницу в Колыванском районном суде Новосибирской области, расположенном в 50 км от Новосибирска. Сотрудники милиции вручили ей распоряжение следователя о ее принудительном доставлении в следственный комитет г. Новосибирска для допроса. Однако ее доставили в изолятор временного содержания (далее — «ИВС») Дзержинского районного отделения внутренних дел г. Новосибирска.

14. Следователь отправилась в ИВС и задержала первую заявительницу на сорок восемь часов на время рассмотрения ее

ходатайства в суд о предварительном заключении первой заявительницы. Протокол задержания первой заявительницы был составлен в 17:50.

15. В 16:10 27 апреля 2005 года следователь уведомила первую заявительницу о предъявленных ей обвинениях и допросила ее в качестве подозреваемой в присутствии ее адвоката.

3. Отказ районного суда заключить первую заявительницу под стражу и ее освобождение

16. В 12:00 28 апреля 2005 года Центральный районный суд г. Новосибирска (далее — «районный суд») отклонил ходатайство следователя о заключении первой заявительницы под стражу как необоснованное. Районный суд отметил, что первая заявительница имела постоянное место жительства и постоянное место работы в качестве главы трех коммерческих компаний. Она не была должным образом проинформирована об обязанности не покидать город. Районный суд постановил, что следователь не направила первой заявительнице надлежащим образом требование о явке 11 и 18 апреля 2005 года. Районный суд также отклонил как необоснованный аргумент следователя о том, что милиция не обнаружила первой заявительницы ни в одной из ее квартир. Кроме того, суд отметил, что два ранее возбужденных уголовных дела в отношении первой заявительницы были закрыты за отсутствием состава преступления. Районный суд счел, что первая заявительница не скрывалась от следственных органов, и отклонил ходатайство о ее заключении под стражу.

17. После того как районный суд объявил свое решение, милиция отвезла первую заявительницу обратно в ИВС, где она провела еще три часа в камере, а затем была освобождена в 14:59.

4. Попытки первой заявительницы оспорить законность лишения ее свобод

18. Ссылаясь на статью 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, первая заявительница оспорила действия следователя и сотрудников милиции в районном суде. Помимо прочего, она жаловалась, на то, что ее принудительное доставление к следователю в качестве свидетеля 1 апреля 2005 года было незаконным, поскольку следователь не направила ей повестку должным образом. Она также жаловалась на ее задержание и содержание под стражей 26 и 27 апреля 2005 года. Распоряжения следователя о ее принудительном доставлении и объявлении в розыск были незаконными, поскольку она имела постоянное место жительства; следователь не направляла повесток, и она не скрывалась

от следственных органов, как это было установлено решением суда от 28 апреля 2005 года. Наконец, первая заявительница жаловалась на задержку в ее освобождении 28 апреля 2005 года. Она утверждала, что указанные выше меры нарушили ее конституционное право на свободу.

19. Вступившими в силу решениями от 8 августа, 23 ноября и 7 декабря 2005 года Новосибирский областной суд отказал в рассмотрении жалоб первой заявительницы по существу. Суд установил, что ее жалобы могут быть рассмотрены в ходе уголовного производства по ее делу, поскольку к тому времени ее дело было передано в суд.

5. Итог уголовного судопроизводства в отношении первого заявителя

20. Обвинения, предъявленные первому заявителю, были объединены в два уголовных дела. Что касается первого уголовного дела, в рамках которого она содержалась под стражей с 26 по 28 апреля 2005 года, то 8 февраля 2010 года Новосибирский областной суд прекратил производство по делу по реабилитирующим основаниям за отсутствием состава преступления и подтвердил право первой заявительницы на реабилитацию. Судя по всему, 11 апреля 2013 года иск, поданный первым заявителем с требованием о компенсации ущерба, причиненного ее незаконным уголовным преследованием, был частично удовлетворен.

21. 5 апреля 2010 года Новосибирский областной суд признал первой заявительницы виновной по одному из обвинений, предъявленных в рамках второго уголовного дела и приговорил ее к лишению свободы условно.

В. Другие споры

22. Заявители участвовали в жилищном споре. Первая заявительница также участвовала в различных гражданских процессах.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Уголовно-процессуальный кодекс

23. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее — «УПК») свидетель обязан явиться для допроса по вызову дознавателя (должностного лица, участвующего в следственной деятельности), следователя или суда (пункт 1 части 6 статьи 56).

24. Если подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший не явился без уважительной причины, и его местонахождение известно, следователь может распорядиться о его принудительном доставлении сотрудниками милиции в соответствующий орган (статья 113). Если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает милиции его розыск. В случае обнаружения обвиняемого он может быть задержан и помещен под стражу, если для такой меры существуют установленные законом основания (статья 210).

25. Решение суда об отклонении ходатайства следователя о заключении под стражу подлежит немедленному исполнению (часть 8 статьи 108).

26. Статья 125 предусматривает, что судебному пересмотру могут быть подвергнуты решения или действия (бездействие) дознавателя, следователя или прокурора, которые затрагивают конституционные права и свободы сторон уголовного производства. Такой судебный пересмотр обычно проводится на стадии предварительного следствия по уголовному делу.

В. Судебная практика Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации

27. В нескольких случаях Конституционный Суд указывал, что в каждом конкретном деле суд должен установить, затронуло ли конкретное действие следственного органа права заявителя в такой степени, что предполагаемое нарушение невозможно исправить на более позднем этапе (в ходе судебного разбирательства) (постановление № 5-П от 23 марта 1999 года, определение № 298-О от 21 декабря 2001 года). Если да, то параллельно с ведущимся уголовным процессом должна быть возможна подача иска в соответствии со статьей 125 УПК РФ.

28. В пункте 9 постановления № 1 от 10 февраля 2009 года Пленум Верховного суда постановил, что действия следственного органа могут быть оспорены в соответствии со статьей 125 УПК только на стадии предварительного следствия. В случае если дело уже передано в суд для рассмотрения, судья признает жалобу неприемлемой и разъясняет истцу, что он может подать жалобу в соответствующий суд, рассматривающий его дело. Однако если жалоба на законность или обоснованность таких действий не может быть рассмотрена судом, рассматривающим дело истца, то эта жалоба не должна передаваться в этот суд и должна рассматриваться отдельно.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

29. Первая заявительница жаловалась на ее принудительное доставление 1 и 26 апреля 2005 года, ее содержание под стражей с 26 по 28 апреля 2005 года и ее запоздалое освобождение 28 апреля 2005 года. Она ссылаясь на статью 5 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, предусмотренном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законный арест или задержание лица, осуществленные с целью доставления его в компетентный правоохранительный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда обоснованно считается необходимым предотвратить совершение преступления, или при попытке сбежать после совершения преступления;

...”

A. Приемлемость жалобы

30. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

B. Существо жалобы

1. Принудительное доставление первой заявительницы в качестве свидетеля 1 апреля 2005 года

(a) Доводы сторон

31. Власти представили копии повесток от 15 и 29 марта 2005 года и два рапортп от 30 марта 2005 года, составленные сотрудником милиции, который отвечал за доставку повесток первой заявительнице.

32. Ссылаясь на эти документы, Власти утверждали, что 15 марта 2005 года следователь направила первой заявительнице повестку, в

которой говорилось, что она должна явиться для допроса в 17:00 16 марта 2005 года. В тот же день повестка была получена и подписана В., которого Власти считали адвокатом первой заявительницы. Согласно первому отчету милиции от 30 марта 2005 года, В. заявил, что он передал повестку сыну первой заявительницы 16 марта 2005 года.

33. После того, как первая заявительница не явилась 16 марта 2005 года, 29 марта 2005 года следователь направила ей еще одну повестку с требованием явки для допроса 1 апреля 2005 года. Согласно второму рапорту сотрудника милиции, 30 марта 2005 года он выехал по адресу места жительства первой заявительницы, но никто не открыл дверь, хотя ее машина стояла внизу, а соседка сказала, что она была дома. Сотрудник милиции вставил повестку в замочную скважину двери первой заявительницы. В тот же день следователь распорядилась о принудительном доставлении первой заявительницы в качестве свидетеля.

34. 1 апреля 2005 года в 10:15 сотрудники милиции нашли первую заявительницу, зачитали ей распоряжение о ее принудительном доставлении, а затем доставили ее в отделение милиции. Допрос длился всего пятнадцать минут с 10:45 до 11:00, поскольку первая заявительница воспользовалась своим правом хранить молчание.

35. Власти считали, что принудительное доставление первой заявительницы для допроса в качестве свидетеля представляло собой ограничение ее свободы передвижения, а не лишение свободы. Власти ссылались на тот факт, что: первая заявительница провела в общей сложности один час с сотрудниками милиции и следователем; на нее не надели наручники; к ней не применялась физическая сила; и ее не поместили в камеру для задержанных лиц. Ограничение ее свободы передвижения было необходимым в демократическом обществе.

36. В качестве альтернативы Власти утверждали, что содержание заявительницы под стражей было законным и отвечало требованиям статьи 5 Конвенции. В частности, первая заявительница не выполнила добровольно свое обязательство явиться в качестве свидетеля. Она была доставлена в отделение милиции на основании соответствующих распоряжений, и ее доставили туда для допроса, а не для каких-либо иных целей (сравните, например, с постановлением Суда от 31 мая 2011 года по делу «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 142, и с постановлением Суда от 22 мая 2008 года по делу «Илья Стефанов против Болгарии» (*Iliya Stefanov v. Bulgaria*), жалоба № 65755/01, пункт 74).

37. Первая заявительница утверждала, что В. никогда не представлял ее интересы и даже не входил в коллегия адвокатов. Ссылаясь на представленные Властями документы, она также утверждала, что повестка от 15 марта 2005 года была отправлена по

одному адресу, но ее принудительно забрали из другой квартиры, в которой она проживала уже двадцать лет. Таким образом, она утверждала, что она не была должным образом вызвана для допроса и что она не должна была подвергаться принудительному доставлению.

(b) Оценка Суда

38. Суд отмечает, что согласно описанным сторонами фактам, первая заявительница не могла избежать ее доставления сотрудниками милиции к следователю. Учитывая элемент принуждения в ее принудительном доставлении (см. постановление Суда от 13 ноября 2014 года по делу «Лазариу против Румынии» (*Lazariu v. Romania*), жалоба № 31973/03, пункт 100, и постановление Суда от 31 января 2017 года по делу «Рожков против России (№ 2)» (*Rozhkov v. Russia* (no. 2)), жалоба № 38898/04, пункт 79, с дальнейшими ссылками), Суд считает, что она была лишена свободы для целей статьи 5 Конвенции.

39. Далее Суд должен установить, соответствовало ли лишение первой заявительницы свободы требованиям статьи 5 Конвенции. Суд отмечает, что, по словам Властей (см. пункт 36 выше), правовым основанием для лишения заявителя свободы было распоряжение следователя от 30 марта 2005 года о ее принудительном доставлении для допроса после того, как она не явилась, получив повестку. Таким образом, лишение ее свободы может потенциально подпадать под действие подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см., например, упоминаемое выше постановление по делу «Илья Стефанов против Болгарии», пункт 74, и постановление Суда от 9 ноября 2010 года по делу «Осипенко против Украины» (*Osyenko v. Ukraine*), жалоба № 4634/04, пункт 57 с дальнейшими ссылками).

40. Суд напоминает, что содержание под стражей допускается подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции только с целью «обеспечения исполнения» предписанного законом обязательства. Из этого следует, что должно существовать обязательство, не выполненное соответствующим лицом, и что содержание под стражей должно служить целям обеспечения выполнения этого обязательства и не должно носить карательный характер. Сразу же после выполнения соответствующего обязательства основание для содержания под стражей в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции перестает существовать (см. упоминаемое выше постановление по делу «Осипенко против Украины»). Обязательство должно иметь конкретный характер (см. постановление Суда от 22 февраля 1989 года по делу «Чулла против Италии» (*Ciulla v. Italy*), пункт 36, Серия А № 148).

41. Суд будет исходить из предположения, что российское законодательство действительно обязывает свидетеля, подозреваемого или обвиняемого явиться к следователю (см. пункт 24 выше). Далее

Суд должен определить, было ли это обязательство возложено на первой заявительницы, и можно ли считать его достаточно «конкретным» для целей подпункта «b» пункта 1 статьи 5 (см. упоминаемое выше постановление по делу «Рожков против России (№ 2)», пункт 92, с дальнейшими ссылками). Так, до ее задержания первая заявительница должна была не выполнить обязательство явиться к следователю. В тех случаях, когда речь идет об этом типе обязательства, достаточно, чтобы после получения повестки заявитель не явился и не указал обоснованную и уважительную причину (см. упоминаемое выше постановление по делу «Рожков против России (№ 2)», пункт 93).

42. Суд отмечает, что милиция приняла меры для вызова первой заявительницы (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Рожков против России (№ 2)», пункты 83 и 94). Однако они не представили никаких доказательств того, что она (а не ее сын или В.) была фактически уведомлена о повестке, и они даже не утверждали об этом (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Лазариу против Румынии», пункты 95 и 101). Также в материалах дела нет ничего, что могло бы продемонстрировать, что, несмотря на требования национального законодательства (см. пункт 24 выше), власти выяснили, была ли у первой заявительницы «уважительная причина» для неявки. Кроме того, как свидетельствуют факты, милиции удалось найти первую заявительницу и доставить ее к следователю в течение одного дня после вынесения распоряжения о принудительном доставлении. Следовательно, Суд не убежден в том, что милиция не могла так же эффективно найти первую заявительницу, чтобы вручить ей повестку должным образом. Таким образом, учитывая отсутствие доказательств того, что первая заявительница была уведомлена о повестке, Суд считает, что ее обязательство предстать перед следователем не была достаточно «конкретным». Из этого следует, что ее лишение свободы 1 апреля 2005 года не было оправдано второй частью подпункта «b» пункта 1 статьи 5.

43. Следовательно, Суд устанавливает нарушение подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей 1 апреля 2005 года.

2. Задержание первой заявительницы 26 апреля 2005 года и ее содержание под стражей в течение 48 часов с 26 по 28 апреля 2005 года

(а) Доводы сторон

44. Власти отметили, что первая заявительница не выполнила требования повестки от 1 апреля 2005 года, согласно которой она

должна была явиться на допрос 11 апреля 2005 года. Они считали, что ее страх перед арестом не мог оправдать невыполнение ею обязанности присутствовать на допросе. После 11 апреля 2005 года она не пыталась связаться со следователем. 25 апреля 2005 года следователь распорядилась о ее принудительном доставлении. На следующий день, 26 апреля 2005 года, в 15:08 милиция проинформировала ее о распоряжении и доставила ее в отдел милиции.

45. Власти считали, что содержание первой заявительницы под стражей в течение сорока восьми часов было законным. 26 апреля 2005 года в 17:50 следователь составила протокол ее задержания и заключила ее под стражу на сорок восемь часов, на время рассмотрения судом ходатайства о ее предварительном заключении под стражу. После того как районный суд отклонил ходатайство следователя о заключении первой заявительницы под стражу на слушании, проведенном 28 апреля 2005 года, она была освобождена в тот же день около 15:00. Таким образом, срок ее содержания под стражей не превысил установленного предела в сорок восемь часов. Тот факт, что районный суд отклонил ходатайство следователя о ее предварительном заключении под стражу, не повлиял на законность ее содержания под стражей в течение сорока восьми часов, поскольку предварительное заключение под стражу и задержание на сорок восемь часов являлись двумя различными мерами. В итоге Власти пришли к выводу о том, что содержание первой заявительницы под стражей в период с 26 по 28 апреля 2005 года было законным и не нарушало статью 5 Конвенции.

46. Первая заявительница утверждала, что ей не было известно о решениях следователя об объявлении ее в розыск и о наложении на нее обязательства не покидать город. Она считала, что эти решения были приняты в попытке следователя поместить ее под стражу.

47. Первая заявительница считала, что ее содержание под стражей в период с 26 по 28 апреля 2005 года было незаконным, поскольку соответствующее уголовное дело в конечном итоге было прекращено по реабилитирующим основаниям.

(b) Оценка Суда

48. Стороны не оспаривают, и нет никаких оснований сомневаться в том, что с 26 по 28 апреля 2005 года первая заявительница была лишена свободы для целей статьи 5 Конвенции.

49. Суд отмечает, что, в отличие от первого случая принудительного доставления на допрос 1 апреля 2005 года, 26 апреля 2005 года первая заявительница была доставлена не к следователю, а в следственный изолятор. Когда следователь прибыла в следственный изолятор, она официально задержала первую заявительницу на сорок

восемь часов с целью обращения в суд с ходатайством о ее предварительном заключении под стражу. Первая заявительница была допрошена лишь на следующей день, то есть примерно через двадцать четыре часа после ее задержания. Таким образом, Суд считает, что содержание первой заявительницы под стражей в течение этого периода не было необходимым для выполнения обязательства явиться на допрос (см. постановление Суда от 9 ноября 2010 года по делу «Фархад Алиев против Азербайджана» (*Farhad Aliyev v. Azerbaijan*), жалоба № 37138/06, пункт 163). Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что внутригосударственные органы власти считали, что задержание первой заявительницы служило «цели [ее] доставления в компетентный орган» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5. Остается выяснить, соответствовали ли ее задержание 26 апреля 2005 года и ее последующее содержание под стражей в течение сорока восьми часов требованиям подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

50. Суд напоминает, что период содержания под стражей в принципе является законным, если оно производится в соответствии с распоряжением суда. Последующее установление нарушения этим судом национального законодательства при вынесении этого постановления не обязательно должно ретроспективно влиять на законность периода содержания под стражей. По этой причине конвенционные органы последовательно отказывают в удовлетворении жалоб лиц, осужденных за преступления, которые жалуются на то, что суды апелляционной инстанции признали, что их приговоры были основаны на ошибках в фактах или праве (см. постановление от 10 июня 1996 года по делу «Бенхам против Соединенного Королевства» (*Benham v. the United Kingdom*), Сборник 1996-III, пункт 42; см. также постановление Суда от 18 декабря 1986 года по делу «Бозано против Франции» (*Bozano v. France*), Серия А № 111, пункты 55, в качестве примера задержания полицией заявителя, приказ о депортации которого был впоследствии аннулирован).

51. Суд считает, что один лишь факт того, что уголовное дело в отношении первой заявительницы было в конечном итоге прекращено по реабилитирующим основаниям, сам по себе не влиял на законность ее содержания под стражей в период с 26 по 28 апреля 2005 года. Для оценки соблюдения требований пункта 1 статьи 5 Конвенции следует провести основное различие между явно (*ex facie*) недействительными постановлениями о заключении под стражу (например, вынесенными судом с превышением полномочий или в отсутствие заинтересованной стороны в судебном заседании) и постановлениями, которые являются действительными и эффективными в отсутствие доказательств противного (*prima facie*), то есть если они не отменены вышестоящим судом (см. упоминаемое выше постановление суда по делу «Худоеров

против России» (*Khudoyorov v. Russia*), жалоба № 6847/02, пункт 129, ECHR 2005-X (извлечения), с дальнейшими ссылками).

52. В настоящем деле стороны не утверждали, что следователь действовала с превышением своих полномочий, распорядившись задержать первую заявительницу на сорок восемь часов, на время рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу. Кроме того, нельзя утверждать, что содержание первой заявительницы под стражей было произвольным, поскольку, среди прочего, следователь ссылаясь на ее неявку на допрос 11 апреля 2005 года. Наконец, содержание первой заявительницы под стражей, судя по всему, соответствовало порядку, установленному национальным законодательством: протокол ее задержания был составлен в течение двух часов после ее первоначального задержания (см., в качестве противоположного примера, упоминаемое выше постановление по делу «Рожков против России № 2», пункт 86); и национальный суд рассмотрел ходатайство следователя о ее предварительном заключении под стражу в течение 48 часов. Первая заявительница не утверждала о каких-либо нарушениях установленного порядка или о неправильном применении соответствующих положений законодательства.

53. При таких обстоятельствах Суд считает, что в настоящем деле не было допущено нарушения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с задержанием первой заявительницы и ее содержанием под стражей в период с 26 по 28 апреля 2005 года.

3. Запоздалое освобождение первой заявительницы 28 апреля 2005 года

(а) Доводы сторон

54. Власти признали, что в период между завершением судебного заседания 28 апреля 2005 года, которое состоялось около 12:00, и освобождением первой заявительницы в 15:00 оснований для ее содержания под стражей не имелось. Ее содержание под стражей в течение трех часов нарушило требования пункта 1 статьи 5 Конвенции.

55. Первая заявительница отметила, что Власти признали, что ее жалоба на запоздалое освобождение является обоснованной.

(b) Оценка Суда

56. Суд напоминает, что некоторая задержка в исполнении решения об освобождении заключенного из под стражи понятна и часто неизбежна ввиду практических соображений организации работы судов и соблюдения конкретных формальностей. Однако национальные власти должны стараться свести ее к минимуму. Административные формальности, связанные с освобождением, не

могут оправдать задержку на более чем несколько часов (см., например, постановление Суда по делу «Руслан Яковенко против Украины» (*Ruslan Yakovenko v. Ukraine*), жалоба № 5425/11, пункт 68, ECHR 2015, с дальнейшими ссылками).

57. В настоящем деле Суду не были названы причины трехчасовой задержки с освобождением первой заявительницы. Ничто не говорит о том, что существовали какие-либо особые трудности в обеспечении ее немедленного освобождения, как того требует национальное законодательство (см. пункт 25 выше) (см. постановление Суда от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против России» (*Butkevich v. Russia*), жалоба № 5865/07, пункт 67). Суд отмечает, что Власти также признали, что содержание первой заявительницы под стражей в течение этих трех часов было незаконным.

58. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с запоздалым освобождением первой заявительницы.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

59. Первая заявительница жаловалась на отказ национальных судов рассмотреть ее жалобы на незаконное содержание под стражей. Они ссылались на пункт 4 статьи 5 и на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которые в соответствующей части гласят:

Пункт 4 статьи 5

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным»

Статья 6

«Каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...»

А. Доводы сторон

60. Власти признали, что первая заявительница была лишена права на судебный пересмотр в нарушение требований пункта 4 статьи 5 Конвенции. Суды допустили ошибку при толковании национального законодательства, отказавшись рассматривать ее жалобы на незаконное содержание под стражей на том основании, что уголовное дело в ее отношении уже было передано в суд. Власти сослались на Постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 10 февраля 2009 года (см. пункт 28 выше), который подтвердил, что суды обязаны

рассматривать такие жалобы независимо от того, ведется ли уголовный процесс, если они не могут быть рассмотрены в ходе судебного разбирательства. УПК не наделяет суд первой инстанции юрисдикцией для оценки законности принудительного доставления или задержания. Таким образом, действия следователя не могли быть рассмотрены судом первой инстанции. Следовательно, отдельное производство по жалобам первой заявительницы в соответствии со статьей 125 УПК РФ не должно было быть прекращено без рассмотрения жалоб.

61. Первая заявительница утверждала, что Власти признали, что было допущено нарушение ее права на судебный пересмотр, поскольку национальные суды неправильно истолковали национальное законодательство, отказав в рассмотрении ее жалобы на незаконное лишение свободы, поданной в соответствии со статьей 125 УПК. Она также утверждала, что в любом случае процедура судебного пересмотра в соответствии со статьей 125 УПК РФ не была эффективной для целей проверки законности ее содержания под стражей, поскольку она стала доступна ей только после ее освобождения, и, таким образом, она не могла удовлетворить требования пункта 4 статьи 5 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Обстоятельства дела

62. Суд отмечает, что разбирательство по статье 125 УПК было проведено после освобождения первой заявительницы, что означает, что пункт 4 статьи 5 более не был применим (см. постановление Суда по делу «Рейнпрехт против Австрии» (*Reinprecht v. Austria*), жалоба № 67175/01, пункт 51, ECHR 2005- XII). Однако это обстоятельство само по себе не является препятствием для рассмотрения жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, на которую первая заявительница также ссылалась (см. постановление Суда от 8 октября 2009 года по делу «Лазорский против бывшей югославской Республики Македонии» (*Lazoroski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 4922/04, пункт 66).

63. Поскольку право на свободу, является «гражданским» правом, к разбирательствам, связанным с законностью лишения свободы, применяется пункт 1 статьи 6 в его гражданско-правовом аспекте (см., например, постановление Суда от 30 июля 1998 года по делу «Аертс против Бельгии» (*Aerts v. Belgium*), пункт 59, Сборник постановлений и решений 1998-V; постановление Суда от 7 января 2003 года по делу «Лейдин против Франции (№ 2)» (*Laidin v. France (no. 2)*), жалоба № 39282/98, пункты 75-76, постановление Суда от 11 декабря 2008

года по делу «Шулепова против России» (*Shulepova v. Russia*), жалоба № 34449/03, пункт 59). Суд считает, что то же самое соображение применимо и к рассматриваемому делу, которое касается законности постановления следователя о задержании первой заявительницы на сорок восемь часов и, следовательно, определения ее гражданского права на свободу. Следовательно, в настоящем деле применим пункт 1 статьи 6 в ее гражданско-правовом аспекте.

2. Приемлемость жалобы

64. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

3. Существо жалобы

65. Суд отмечает, что первая заявительница пыталась пожаловаться на незаконность нескольких случаев содержания под стражей на основании статьи 125 УПК РФ, которая позволяла оспаривать действия в том числе следователей. Тем не менее, национальные суды прекратили это разбирательство на том основании, что к тому моменту уголовное дело в ее отношении было передано в суд, и поэтому ее жалобы должны были быть рассмотрены судом, рассматривавшим ее уголовное дело.

66. Суд отмечает, что, по утверждению Властей, суд, рассматривавший дело первой заявительницы, не обладал полномочиями для того, чтобы признать решения следователя о принудительном доставлении и содержании первой заявительницы под стражей незаконными. Таким образом, отказ национальных судов в рассмотрении жалоб первой заявительницы в соответствии со статьей 125 УПК на том основании, что они были поданы ненадлежащим образом, и их предложение о повторной подаче жалоб в суд, рассматривавший уголовное дело первой заявительницы, по сути лишили ее эффективного права на доступ к суду. Оценка Властей поддерживается позицией Конституционного Суда РФ по данному вопросу (см. пункт 27 выше). Суд не видит оснований для несогласия с приводящимся выше толкованием национального законодательства.

67. Суд приходит к выводу о том, что первая заявительница была лишена права на доступ к суду для оспаривания законности ее содержания под стражей. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

68. Первая заявительница жаловалась на то, что она не смогла получить компенсацию за ее незаконное содержание под стражей. Она ссылаясь на пункт 5 статьи 5 Конвенции, соответствующая часть которого гласит:

«5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной Статьи, будет иметь право на компенсацию, защищенное иском».

А. Доводы сторон

69. Власти утверждали, что первая заявительница имела бы право на компенсацию, только если бы ее содержание под стражей было признано незаконным. Поскольку национальные суды отказали в рассмотрении ее жалоб, она не имела возможности добиться признания ее содержания под стражей незаконным и, следовательно, подать иск о компенсации. Учитывая вышеизложенное, Власти признали, что права первой заявительницы, предусмотренные пунктом 5 статьи 5 Конвенции, были нарушены.

70. Первая заявительница настаивала на том, что она была лишена права на компенсацию за ее незаконное содержание под стражей.

В. Оценка Суда

71. Суд напоминает, что в соответствии с российским законодательством, суд может присудить компенсацию материального или морального вреда, подлежащую выплате государством, только в том случае, если содержание под стражей было признано незаконным в ходе разбирательства на внутригосударственном уровне (см. постановление Суда от 12 июня 2014 года по делу «Чуприков против России» (*Chuprikov v. Russia*), жалоба № 17504/07, пункт 98). В настоящем деле Суд установил нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с принудительным доставлением первой заявительницы 1 апреля 2005 года и ее запоздалого освобождения 28 апреля 2005 года. Ни один национальный суд не признал эти случаи содержания под стражей незаконными. Таким образом, первая заявительница не имела оснований требовать компенсацию за эти два случая содержания под стражей в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Чуприков против России»).

72. Следовательно, первая заявительница была лишена права на компенсацию за ее принудительное доставление 1 апреля и ее запоздалое освобождение 28 апреля 2005 года, как того требует пункт

5 статьи 5 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данного положения.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

73. Наконец, заявители подали ряд жалоб в отношении различных разбирательств на внутригосударственном уровне. Суд изучил данные жалобы в изложении заявителей. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, а также в той степени, в которой эти жалобы относятся к его компетенции, Суд полагает, что они не раскрывают никаких признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

74. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

75. Первая заявительница требовала 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

76. Власти утверждали, что установление нарушения будет само по себе являться достаточной справедливой компенсацией.

77. Суд присуждает первому заявителю в качестве компенсации морального вреда 5 000 евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

78. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. Признал жалобы относительно незаконного содержания первой заявительницы под стражей, права на судебный пересмотр и права на компенсацию приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. *постановил*, что в деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с принудительным доставлением первой заявительницы 1 апреля 2005 года и ее запоздалым освобождением 28 апреля 2005 года;
3. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием у первой заявительницы доступа к суду, который оценил бы законность лишения ее свободы;
4. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что первая заявительница была лишена права на компенсацию за ее незаконное содержание под стражей;
5. *постановил*:
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить первому заявителю в качестве компенсации морального вреда 5 000 евро (пять тысяч евро), плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, которая должна быть переведена в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;
6. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление направлено в письменном виде 14 января 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Георгиос А. Сергидес
Председатель